

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РАЗУМА В НОВОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Сегодня в себе и вокруг себя мы обнаруживаем равнодушие к идее системы. Авторитетность нашей мысли и наших верований гораздо менее обусловлена и проверяема, чем слова великих мыслителей. Наши знания относительно вопроса о системе, о том, что это означает, ничтожно малы, но это означает, что под угрозой истощения находится сама наша мысль. Поэтому требуют прояснения следующие вопросы:

1. Что есть система в общем?

2. Почему и как философия приходит к построению систем?

3. Почему в философии немецкого идеализма «система» оказывается сокровенным требованием, вызывающим ожесточенные споры и разногласия?

Сущностные слова не есть искусственно изобретаемые знаки и метки, которые наклеиваются на вещи, чтобы просто их как-то обозначить. Сущностные слова – суть действия такой мысли, которая случается в моменты яркого просветления мира как такового. Слово «система» происходит из греческого $\sigma\upsilon\sigma\tau\eta\mu\alpha$: я размещаю в месте. Это может означать два момента. Первое, упорядочивать вещи согласно уже существующей связи местоположений; например, класть кирпичи, при строительстве дома. Это так же означает: приведение в порядок, но тем самым порядок сначала проектируется. Но эта проекция, если она подлинная, не есть просто набрасывание схем на те или иные вещи, не только схематизация того, что лежит на поверхности. Подлинная проекция полагает сущее раздельно и при том так, что вещи как раз теперь становятся зримыми в единстве их внутреннего совмещения; скажем, такое сомнение, которое определяет живое сущее, $\sigma\upsilon\sigma\tau\eta\mu\alpha$ τοῦ σωματός. Мы сегодня все еще говорим о нервной системе, о системе производства вещей и т.д. Во-вторых, $\sigma\upsilon\sigma\tau\eta\mu\alpha$ может означать также простое накопление. Между двумя этими противоположными значениями, то есть между внутренним сочленением и простым манипулированием, стоит то, что означает система: не внутренний порядок и не простое внешнее накопление, но каркас, конструкция. С одной стороны, система есть внутреннее соединение, дающее вещам их основание и поддержку; с другой, внешняя манипуляция, а между ними нечто подобное конструкции. Всегда сохраняется возможность колебания между подлинной системой и подложной.

Таким образом, $\kappa\omicron\sigma\mu\omicron\varsigma$ называется как $\sigma\upsilon\sigma\tau\eta\mu\alpha$ ἐκ οὐρανοῦ καί γῆς, соединение земли и неба. Говорят так же о системе оформления общественного порядка, о войсковом образовании в форме «фаланги», где имеет место группирование из вне, но при понимании хода и порядка

сражения. Позднее слово *система* используется в сфере знания и познания. Широкое распространение получают выражения: система философии, система наук, система знания и т.д. Благодаря внутренней двусмысленности, принадлежащей природе системы, сама попытка образовать систему оказывается двусмысленной, в любом случае не само собой разумеющейся. Мы до сих пор встречаем людей, которые уверяют, что они «создали» или нашли новую систему философии или мировоззрения. Конечно, конструирование поддельных систем должно быть всегда опровергаемо, но потому только, что система в истинном смысле есть одна из задач философии. Имеется великая философия вне системы, и тому доказательство – целое греческой философии. Начало западной философии было вне какой-либо системы, но все же, и как раз по этому основанию особенно, новое философствование было подлинно систематичным; то есть направляемым и поддерживаемым определенным порядком вопрошания, внутренним соединением основных вопросов. Такого рода вопрошание породило существенную предпосылку для всей последующей систематики и возможной системы.

Платон и Аристотель не имели системы философии ни в смысле построения законченной системы, ни даже в смысле ее проектирования. Но именно они создали предпосылки для требования и построения системы. Когда мы говорим о системе Платона или Аристотеля, то мы тем самым искажаем историю философской мысли, блокируем путь к внутреннему движению философствования и к пониманию его требования к истине. Первоначально, *summas* ориентируется на обучение. Так называемые *summas* средневековой теологии не есть системы, но формы доктринального изложения знания. Они суть учебники. Знаменитая *Summa Theologica* Фомы Аквинского есть тоже учебник, причем для начинающих. Его функция – излагать существенное в простом и строгом порядке. Он пишет в предисловии: «Поскольку учитель Католической истины не только должен учить тех, кто продвигается вперед, но его обязанность подготовить начинающих... то наше предполагаемое намерение в этой работе призвано трактовать то, что касается Христианской веры так, что это соответствует знанию начинающих».

Замысел *Summa* и весь характер этой работы не мог быть более ясно изложен. Но такого рода *Summas* часто сравнивают со средневековыми кафедрами. Это сравнение весьма хромает. Средневековые кафедры с их башнями воспаряют к небу. Дополнением к этим кафедрам была бы такая *Summa*, которая строилась бы на широком основании и была бы устремлена к вершине, к небесам, то есть к Богу. Но *Summa* как раз начинает с вершины и простирается затем на практическую, моральную человеческую жизнь. Если сравнение между школьным учебником и произведением искусства вообще сомнительно, то оно оказывается невозможным, когда несовместим уже сравниваемый структурный по-

рядок. Но концептуальная путаница выходит за всякие мыслимые пределы, когда эти Summas, как предполагаемые системы средневековой мысли, сравниваются с реальными системами, скажем, Фихте и Гегеля или с предполагаемыми системами Платона и Аристотеля. Такая история философии может быть искусственной и действенной как апология, но она препятствует познанию истории и особенно верному пониманию средневековой мысли и схоластическому оформлению знания. Эта ложная интерпретация искажает понимание природы, а тем самым и условия возможности системы.

Можно обнаружить некоторое родство в средневековом оформлении знания, прежде всего в способе разделения и упорядочивания основных сфер бытия. К этому кругу принадлежит работа «О разделении природы» ирландца Скота Эриугены, величайшего западного мыслителя. Влияние неоплатонизма, который, как и вся поздняя греческая мысль, пропитываемая Римской мыслью и иудео-христианскими верованиями, здесь очевидно. И все же отметим, что система есть не простое устройство «тела» доктрины в ее завершенности с целью обучения начинающих в науках или только порядок завершенного материала и оценок знания с целью его правильного изложения и сообщения; она есть внутреннее сочетание всего того, что постижимо само по себе, основывающее ее развитие и упорядочения. Более того, система есть сознательное единение совмещения и согласования самого Бытия. Образование систем происходит при строго определенных условиях и не может исторически осуществляться в произвольное время.

Теперь мы переходим ко второму вопросу: при каких условиях философия идет к построению систем? Возможность осмысливания чего-то подобного системе, ее исходного пункта и развития имеет свои собственные предпосылки. Возможность систем в определенной исторической форме, в которой мы их знаем до сих пор, была открыта только с того момента, когда западная история вошла в так называемый период Нового времени. Сущностные характеристики этого периода – возможность системы знания и воля к системе как способу нового раскрытия человеческого бытия. Только ложная интерпретация понятия системы порождает стремление находить системы в истории до этого периода. Конечно, можно идти от современных уникальных систем и затем находить подобия. Но подобия не раскрывают ни явное начало ранней формы системы, ни необходимости самой воли к системе. Если философия есть прежде всего вопрошание бытия, то ориентация на систему определяется тем, как нам в тот или иной период раскрывается в общем сущность бытия. Вся философия имеет систематический характер, но не вся она есть система, причем не только потому, что она никогда не достигает завершенности и «законченности». Напротив, то что являет себя как система, не всегда есть систематичная мысль, то есть философия.

Отметим лишь несколько из основных условий, при которых требование системы могло бы развиваться и первые попытки создания системы могли бы осуществиться. Эти условия есть в то же время существенные предпосылки для возникновения и существования современной науки, которая отличается в своем фактическом характере от средневековой *scientia* не менее, чем эта *scientia* от античной мудрости. Идея, исходя из которой наука присуща всей человеческой истории благодаря самой себе и она всегда сохраняема в своей якобы вечной ценности, препятствует пониманию современного научного духа. Основные условия образования системы следующие:

1. Преобладание математического в развитии целей и основных форм познания. Математическое есть заранее определяемая интерпретация природы познания в общем. Познание принадлежит здесь самопорождающему основанию всего того, что утверждается в терминах и границах первых принципов, которое не требует основания. Новое в развитии математики заключается не просто в обосновании математического, сколько в последствии его преобладания.

2. Математическое как критерий строго научного познания требует абсолютно достоверного и окончательного основания. Такого рода требование допускает поиск во всей сфере сущего, причем познаваемого, прежде всего, что подразумевает для себя основание. Суть в том, чтобы искать знание, которое становится обоснованным, гарантирующим себя заранее познаванием, которое принимает самого себя в качестве своего основания. Искать такое знание, которое становится основывающим себя познаванием, и допускать это заранее, как уже так или иначе нам известное, — в этом и есть суть математического. Знание оказывается основывающим само себя, когда оно само по себе есть достоверное. Эта достоверность и ее гарантия становятся основанием всего познания и тем самым основанием истины всего того, что познаваемо. Значимо теперь прежде всего то, что познаваемо непосредственно и несомненно, причем на все времена; и только затем уже то, что принимается как истинное. Истина отныне сводится к достоверности, и это ведет к предшествованию метода над содержанием.

3. Математическое требование достоверности как критерия истинного познания находит свое определенное историческое существование. Как истинно знаемое полагается прежде всего его *cogito*: Я мыслю и тем самым знаю себя как мыслящего; я обнаруживаю себя существующим, то есть бытие моего Я первознаемое и абсолютно достоверное. Требованию математической достоверности Декарт обеспечивает основание. Познание в целом опирается на само-достоверность принципа: *ego cogito, ego sum*.

4. Само-достоверность мышления решает теперь в принципе то, что есть; решает таким образом фундаментально. Критерием истины оказы-

нется мышление и его достоверность. И только то, что есть истинное, может быть познано как подлинно существующее. Само-достоверность мышления определяет истинность суждения, в силу чего она решает, что может или не может быть; и более того, что означает в общем бытие.

5. Разрушается критерий церковной доктрины, призванной устанавливать истину и упорядочивать знание. Поэтому необходимым становится поиск нового основания. Критерий оказался перевернутым. Теперь истина веры и «верного» знания измеряется в терминах само-достоверности чистого мышления. Такие мыслители, как Паскаль, пытались утвердить чистое мышление и чистую веру. Рядом с логикой рассудка идет «логика сердца». Сохраняется вся сфера сущего, как она была оформлена в рамках христианства, христианского опыта бытия. Бог, мир творений, человек, принадлежащий миру и предназначенный Богу – все это сущее в целом подвергалось требованию нового усвоения основания и испытывало воздействие средств со стороны самого основывающего знания. Все то, что было подготовлено в Средние века Мейстером Экхартом, Таулером, Сузе и в «Немецкой теологии», обретает новое начало в лице Николая Кузанского, а затем это начало получает свое обоснование в трудах М. Лютера, С. Франка и Я. Беме, а в искусстве – в лице Альбрехта Дюрера.

6. Расшатывание господства церкви в законодательстве познания и действия понимается как освобождение человека, чтобы быть предоставленным самому себе. Но что есть человек сам по себе и в чем могло бы состоять бытие его самости – это определяется только в ходе его освобождения и историей этого освобождения. Мышление становится формирующей силой человека и фундаментальным «законом» самих вещей. Искусство становится решающим способом саморазвития человеческого творчества и в то же время способом завоевывания мира для его зрения и слуха. *Genius* оказывается законом подлинно человеческого бытия, поскольку человек претендует теперь на статус свободно творящего и осуществляющего себя в творении существа. Не только восприятие искусства, но и способ его культивирования так же определяется суждением, которое устанавливается свободно посредством вкуса.

Изменение человеческого существования, требующего теперь наличия своей собственной основы, до сих пор остается для нас смутным. Возможно, что наше столетие уже приближается к тому, чтобы осознать, наконец, все случившееся, чтобы выдержать и преодолеть грядущее. Но, быть может, мы никогда не сможем это осознать, поскольку история как прошлое становится новой и новой, как прошлое всего будущего. Вот так исчезает прошлое. Исходя из всего этого вопрос сохраняется: что есть система?

Система есть то, как мысль способна воспринимать и выражать бытие всего сущего. Это не схема и не «каркас», не произвольное связыва-

ние; система есть такое установление бытийности всего сущего, такого рода бытие, которое может осуществиться. Возникновение такой интерпретации бытия, истины и определмости его связано с такой фундаментальной метафизической позицией, которая делает требование системы не только возможным, но и исторически необходимым. Это требование отмечает начало Нового времени. Тот момент, когда человек понимает и осуществляет себя как сущее, основываемое на самом себе и свободное для того, чтобы получать как бы полномочия от имени бытия, в этот исторический момент воля оказывается ведущей в познании вещи. Это воля имеет предписание от самого бытия, свободно оформляющая и познающая его, оживляется и утверждается новым опытом человека как гения.

Поскольку мышление понимает себя как инстанцию суждения над бытием всего сущего, то тем самым и само бытие может иметь только математическую структуру. И коль скоро человек, освобождающий себя для самого себя, есть становление и расширение свободы среди всего сущего в целом, то тональность сущего, то есть Бог–мир–человек, должна быть понята и упорядочена в терминах единства как такового. Познаваемая в христианском плане, сфера сущего в целом переосмысливается и пере-созидается, согласно законо-образующему мышлению, определяющему все сущее в форме математической связи оснований: *ordo et connexio idearum et ac ordo et connexio rerum* (*Спиноза Б. Часть II. Положение VII*). Система и воля к системе есть сокровенный закон человеческого бытия в период Нового времени. Воля к системе характеризует совершенно новое стремление разума в сравнении со средневековым *intellectus* в его подлинной основе. Господство математического, утверждение мышления как основы и закона для всего сущего, гений как законодательство человека, освобождение человека ради своей свободы среди всего сущего, – все это отражается в понятии системы. Так как бытие в своей сущности определяется в терминах мыслимости и законоподобия мышления, а само это мышление есть прежде всего математическое, то и структура бытия должна быть математической, следовательно системой. Явное и подлинное образование системы начинается как воля к математической системе разума.

(Публикуется в рамках гранта РГНФ, № 02-03-00020а)